

1612

«ВСТАВАЙТЕ,
ЛЮДИ РУССКИЕ!»

ИРИНА ИЗМАЙЛОВА

Ирина Измайлова

1612. «Вставайте, люди Русские!»

«Яуза»

2012

Измайлова И. А.

1612. «Вставайте, люди Русские!» / И. А. Измайлова — «Яуза», 2012

Хотя на знаменитом памятнике посреди Красной площади увековечены лишь два героя 1612 года, в народе не зря говорят: «Бог троицу любит», – и рядом с Кузьмой Мининым и князем Пожарским в историю русской славы золотом вписано третье имя. Чье огненное слово подняло Русь против иностранных захватчиков и боярских иуд? Кто «смертью смерть поправ», пожертвовав собственной жизнью за спасение родной земли? Кому мы обязаны Русским Чудом 1612 года?.. К 400-летию победы над Смутой! Захватывающий роман о восстании против оккупантов и освобождении Москвы. Если судьба Отечества висит на волоске, если враг у ворот, а предатели окопались в Кремле, – «Вставайте, люди Русские!»

© Измайлова И. А., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Часть I	5
Глава 1. Ночная вылазка	5
Глава 2. Земляной вал	10
Глава 3. Набат над Москвою	15
Глава 4. Патриархии палаты	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ирина Александровна Измайлова

1612. «Вставайте, люди Русские!»

Часть I ВОЕВОДА

Глава 1. Ночная вылазка

Только на миг темноту прорезала слабая вспышка огня и тотчас пропала.

– Ага, попались! – прошептал, припав к бойнице, Никола Вихорь, молодой стрелецкий сотник, в ту ночь командовавший дозором. – Так и знал: не нашли бы вы, голубчики, спуска в ров, вовсе огня не зажигая... Ну, а теперь не взыщите!

Он приложил руку ко рту трубкой и гулко заухал совой. С соседней башни ему отозвался такой же крик, и спустя несколько мгновений над той башней занялось рыжее пламя, и несколько горшков с горящей смесью смолы и стружки полетели вниз. На этот раз их не было надобности кидать прицельно: горшки обрушивали не на головы подступающего неприятеля,

а на кучи сложенной в двух сажнях¹ от подножия башни, пропитанной смолой соломы. Та тотчас ярко занялась, осветив не только часть крепостной стены, но и вырытый под нею ров.

Никола Вихорь был прав: просто так, в густой темноте в этот ров было непросто спуститься – еще прошлой весной вдоль него были обильно натканы заостренные колья, к тому же перевитые рыбацкими сетями. Пушечным огнем эти заграждения были кое где уничтожены, в некоторых местах осажженным удалось, совершая вылазки, восстановить их. Но найти брешь нужной ширины, не ткнувшись перед тем несколько раз в опасный частокол да не угодив пару раз в сети, было нелегко – потому-то сотник и не сомневался, что хоть один факел, хоть совсем ненадолго наступающим зажечь придется. А о том, что со стороны этой башни готовится наступление, можно было догадаться еще днем: польские пушки часа два, как остервенелые, били в одно и то же место стены, усиливая образовавшуюся в ней при прошлом обстреле широкую выемку. В конце концов пушки с крепостной стены разбили два из шести вражеских орудий и уничтожили чуть ли не всех пушкарей, и ляхи наконец откатились с облюбованного для обстрела бугра. Однако они наверняка не просто так лупили, норовя попасть в одно место – хоть брешь не дошла в глубину и на треть могучей, четырех саженей в ширину, крепостной стены, но, возможно, осаждающие все же надеялись ослабить стену, ночью заложив в брешь и подорвав сильные петарды².

– Донести воеводе? – спросил сотника один из его осадных³.

– К чему? Может, он наконец поспать прилег, а мы его будить станем! Он их задумку угадал, нам приказы отдал, а теперь мы и сами управимся – не зря же «дорогих гостей» встречать готовились!

Меж тем в глубине рва, слабо освещенной рыжим полыханием возгоревшейся соломы, стали заметны несколько групп польских пехотинцев, явно намеревавшихся подобраться к стене и заложить заряды. Вероятно, поляки ожидали, что русские могут заметить их отряд и напасть на него – петардщиков было много, не менее полутора сотен человек, значит, часть из них готовилась обеспечить прикрытие на случай вылазки неприятеля.

– За дураков нас держат паны ляхи! – печально усмехнулся Вихорь. – Ай, как обидно! Эй, Вася, дай-ко мне пицаль!⁴

Стрелец протянул своего командиру трофейную пицаль, определенно немецкой работы, тяжелую, с украшенным насечками прикладом.

– Не попадешь, Никола! Мне дай.

Сотник обернулся и с неудовольствием увидел позади себя Юрия Сухого, тоже приписанного к осадному отряду этой башни, однако в ту ночь свободного от караула. Но не утерпел все же лучший смоленский стрелок Юрка Сухой, пришел покататься своим умением!

Вообще-то они с Сухим, хоть тот и был родом из дворян, а Никола – из посадских стрельцов, уже год крепко дружили, что не мешало их вечному соперничеству. После лихих вылазок они могли иной раз до хрипоты спорить, чей топор больше «ляшких башок» срубил, либо чья стрела или пуля свалила командира конной хоругви⁵. Эти споры никогда не доходили до серьезной ссоры – в условиях жестокой осады, что длилась вот уже более года, ссориться было непозволительной роскошью. Но не это решало дело – оба воина были отважны, оба на хорошем счету у воеводы, и делить им, по настоящему, было нечего. Они искренне привязались друг к другу и, как все замечали, даже чем-то один на другого походили – оба среднего роста, крепкие, но легкие, оба темно-русоволосые, с густыми кудрями и короткими, тоже чуть куче-

¹ Сажень – древнерусская мера длины, равнялась примерно 2,13 м. Использовалась до 1917 года.

² Петардами назывались в начале XVII века взрывные пороховые заряды.

³ «Осадными людьми» называли собственно всех защитников осажденной крепости, главным образом, это относилось к отрядам, дежурившим на стенах.

⁴ Пицаль – фитильное ружье, широко применявшееся в европейских армиях начала XVII века.

⁵ Хоругвью в польской армии (пешей и конной) называлось воинское подразделение численностью в сто человек.

рявыми бородами. Только глаза у Юрки были карие, а у Николе – синие, как васильки. Сотнику минуло этим летом двадцать четыре года, Сухому сравнялось двадцать три.

– А с чего ты решил, что я не попаду? – вспетушился Вихорь. – Не так уж и далеко!

– Да не попадешь ведь! – продолжал уговаривать Юрий.

– А с первого раза не выйдет, ляхи еще смекнут, какое мы им угощение припасли, да из рва и сиганут... И не обидно тебе будет? Дай, прошу тебя! Первый же десятник, либо еще какой их командир, что на выстрел окажется, твой будет. Вот тебе мое слово!

– Ну, гляди, коли обманешь... На!

Никола отлично понимал, что Юрий прав, и досадовал лишь на то, что их спор слышали несколько человек осадных. Будут теперь посмеиваться: вот, мол, признал лихой стрелец, что дворянский сынок лучше него палить умеет!

Сухой, не спеша, упер пищаль в край бойницы, отсыпал порцию пороха, затем опустился на колено и, взяв оружие к плечу, запалил фитиль. За оставшиеся пару мгновений он успел тщательно прицелиться.

Выстрел хлопнул, озарив крошечной вспышкой лица стрелявшего Сухого и нависшего над его плечом Вихоря. И в тот же миг на этот хлопок отозвался оглушительный грохот. Пламя взметнулось над краем рва, вместе с полетевшими во все стороны комьями земли и телами людей, иные из которых взрыв на лету разметал частями по воздуху.

С вечера, едва стемнело, по приказу воеводы несколько наиболее опытных осадных выбрались через подземный потайной лаз и уложили вдоль края рва несколько небольших, на вид незаметных мешочков. В них был порох. Дождь явно не собирался, поэтому вкладывать для пущей надежности внутрь каждого мешка еще и глиняную флягу не стали. Надо было лишь дожидаться, покуда большая часть проникшего в ров отряда окажется вблизи того места, где удобнее всего было выбраться, и где ожидал «дорогих гостей» новый подарок неистощимого на такие выдумки смоленского воеводы.

Смоленск был окружен поляками еще в сентябре прошлого года, 1609 от Рождества Христова. Король польский Сигизмунд, объявляя везде и всюду, что идет на Московию не войною, но с единой целью прекратить на ее земле вражду и смуту, принес Московскому Царству такую войну и такую беду, какой оно давно уж не видывало. Польское войско, продвигаясь к Москве, занимая города и села, разоряло их и жгло, при сопротивлении и без сопротивления, просто от одного удовольствия разорять и жечь! Даже разбойники Гришки Отрепьева, наглого самозванца, несколько лет назад объявившего себя чудом спасенным сыном Иоанна Грозного и ненадолго захватившего московский трон, не творили во время своих походов такого бесчинства. И второй самозванец, явившийся на смену убитому в Москве Гришке и тоже нарекшийся «царевичем Дмитрием», а в народе названный «тушинским вором» – за то, что его полки долго стояли вблизи Москвы, укрепившись в местечке Тушино – столько разорения не принес. Оба «царевича» охотно призывали себе на помощь поляков, но те до поры до времени действовали, вроде бы повинуюсь самозванцам, и не давали себе на русской земле полной воли.

Сигизмунд шел «спасать Московию», в действительности лелея в душе одну лишь надежду: взять себе московский престол и просто его уничтожить, стереть ненавистное царство с карты, сделать частью великой Речи Посполитой. Частью, у которой если и будет название, то сохраненное более для воспоминания...

Смоленск был крупнейшей русской крепостью и самым мощным оборонительным рубежом на пути к Москве. Эту крепость выстроили всего за семь лет до начала похода Сигизмунда, и она была, как доносили королю, сильнее и надежнее всех крепостей Европы.

Подойдя к городу, поляки в этом убедились. Перед ними высились могучие каменные стены протяженностью почти в шесть с половиной верст⁶, высотой не ниже шести саженей, а

⁶ Верста – старинная русская единица измерения расстояния. Равнялась 1,68 км.

шириной, как сообщали некогда выдавшие это строительство офицеры из числа германских наемников, по три сажени и более! Тридцать восемь мощных башен располагались на равном друг от друга расстоянии, в девяти из них были ворота, но подступы к ним оказались надежно защищены рвами и специально выстроенными перед подходом польской армии бревенчатыми срубами.

Польский король очень скоро убедился, что обстреливать эти стены из пушек – почти бесцельное занятие. Конечно, ядра наносили урон смоленскому гарнизону, но не молчали и орудия на стенах крепости, а польское войско оказалось перед ними как на ладони – проклятый смоленский воевода заранее сжег весь деревянный посад, сделав местность перед крепостью совершенно открытой. Что же до стен, то одолеть их могли бы лишь специальные тяжелые осадные пушки, каковых в армии Сигизмунда не было. Поляки пытались взорвать ворота петардами, однако бревенчатые срубы их надежно защищали, а попытки подойти ближе заканчивались для отрядов польской и наемной пехоты самым печальным образом: смоляне выходили им навстречу и крушили с отвагой и беспощадностью, быстро отбившей у ляхов охоту повторять такие попытки.

Оставалась осада, долгая, изнуряющая осаждающих не менее, чем осажденных.

Можно было, конечно, попытаться обойти несокрушимую твердыню стороной, но в первых, тогда пришлось бы двинуть армию по осеннему бездорожью, рискуя потерять часть ее в русских болотах, а во-вторых, и это было куда важнее – нельзя же оставлять у себя за спиной такой опасный очаг сопротивления!

Воевода Смоленска, казалось, предусмотрел все! В крепости были заранее вырыты дополнительные колодцы, запасено много еды, со всего уезда собрано полторы тысячи «даточных людей», неплохо вооруженных и составивших хорошую помощь четырехтысячному гарнизону.

Поляков было в несколько раз больше, но легче от этого не становилось. Во время штурмов, дерзких вылазок осажденных, во время ответных ударов смоленских пушек – осаждающие гибли сотнями. Наступившая зима была сурова, и вставших таборами⁷ вокруг города завоевателей охватило уныние.

Теперь только упрямство и безмерная, доходящая до безумия ненависть к Московии удерживали Сигизмунда Третьего от позорного отступления из-под стен Смоленска. Он направил своих гонцов в Ригу, на тамошний оружейный завод, потратив огромные деньги и заказав там несколько осадных пушек. Их должны были отлить и привезти ранней весной, но вместо мороза вдруг грянула оттепель и ударили дожди. Куда уж тут везти тяжеленные пушки – потонут.

Утешался Сигизмунд лишь мыслью, что и осажденным приходится нелегко. В боях и при обстрелах гибли и они (правда, куда меньше, чем поляки, что приводило короля в ярость). Он несколько раз покидал свой стан, но возвращался, рассчитывая, что его присутствие пробудит новую отвагу в войске. Увы! Войско роптало, проклиняло и русских, и их зиму, и эту дьявольскую крепость, и... самым тихим шепотом и друг другу на ухо – вероятно, своего короля! Тверже держались наемники – шведы и немцы, а также примкнувшие к польскому войску русские запорожские казаки, вечно затевавшие смуты против князей и государей и теперь рассчитывавшие получить от завоевателей желанную вольницу. Как же, как же, пускай их надеются! Этих не знающих удержу и не любящих никакой власти головорезов надобно будет потом просто извести, напустив на них тех же шведов с немцами – говорят, у казаков неплохие земли, вот пускай наемники и потрудятся себе на пользу!

Предаваясь таким размышлениям, польский король продолжал осаждать упрямую крепость, а его военачальники придумывали одну за другой все новые хитрости, дабы как-то

⁷ Табором в описываемую эпоху назывался укрепленный военный стан.

сокрушить твердыню. Но каждая попытка завершалась огромными потерями. В нынешней ночной вылазке, когда пехотинцы должны были, одолев ров, заложить мощные петарды в выемку поврежденной стены, нашли свою смерть семьдесят три человека! Как и было рассчитано осажденными, их петарды взорвались раньше и разметали весь отряд по рву и вокруг него кровавыми клочьями. Лишь чуть более сорока пехотинцев, из которых многие были ранены, возвратились в свой стан.

Глава 2. Земляной вал

– Ишь ты, какой пир мы нынче устроили окрестным воронам! – ликовав Никола Вихорь, радостно потрясая пищалью, из которой стрелял пускай и не он, но которая все равно принесла им удачу. – Если только за оставшуюся ночь мелкое зверье не набежит да не пожрет пановские кишки...

– Чтоб так много сожрать, мелкого зверья мало! – заметил Юрий, пытаясь еще что-то рассмотреть и уже почти ничего не видя: просмоленная солома догорала, а во рву огонь улегся почти сразу.

– Ну, наутро ляхи со зла будут палить почему зря! – заметил один из осадных стрельцов. – Жди потехи!

Остальные (их оставалось на самом верху башни человек десять) дружно загоготали.

– Что ж вы так расшумелись, люди добрые? – послышался позади них звучный голос, и все тотчас умолкли.

– Будь здоров, воевода! – воскликнул, оборачиваясь и отвешивая поклон, неугомонный Вихорь. – Исполнили все, как тобой было велено. И все бы славно, да теперь во рву мусору видимо-невидимо. Ворон надобно звать на подмогу, не то ведь август на дворе – ляховские кишки так завоняют, что носы зажимать придется!

– Ничего, не в первый раз! – отозвался воевода Шейн, высокий, необычайно статный молодой богатырь, облаченный в длинную, ниже колена кольчугу с надетым поверх нее зеркалом⁸ и в кованый, с золоченой насечкой шлем.

По всему было видно, что предположение Вихоря неверно: лечь спать военачальник и не думал. На его лице, обветренном, покрытом густым загаром, отражалась если и не тревога, то почти не скрываемое напряжение.

– Славно все сделали, Никола, спасибо тебе и всем вам! – проговорил Шейн, бросая взгляд в бойницу но, как и Сухой, уже почти ничего там не увидав. – Может, и поубавится охотников к нам в гости ходить. Но радоваться особенно нечему.

– Это почему? – живо спросил Юрий.

– Ты же опытный воин, Сухой. Неужто поверил, что ляхи надеялись своим дурацкими петардами нашу стену прошибить, хотя бы и был в ней выем?

Голос воеводы был почти насмешлив, и Юрко смутился.

– Так ведь у них ума-то мало! – фыркнул Никола.

Шейн покачал головой:

– У них ума мало, но с ними опытные пушкарники и взрывных дел мастера – те же германцы. Эти свое дело знают и порох попусту тратить не будут. Другое дело, что они не ждали нашего «приема» и, может, теперь локти кусают, да только шли они сюда не стену взрывать.

– А зачем? – спросил один из стрельцов.

– Для отвода глаз. Может, вам отсюда и не слышать было – башня от польских таборов далеко, но я-то с противоположной стороны на стену всходил и слышал, да и караульные там давно уж услышали. Вечером к ляхам какой-то обоз прибыл. Тяжелый, слышно было, как быки мычат, а в обычные телеги быков не запрягают. Так что ждать нам поутру надобно будет не глухих ночных вылазок, а обстрела. И на этот раз он может быть очень опасен.

– Осадные орудия?! – догадался Сухой. – Думаешь их все же привезли?

– Думаю, хоту везли слишком долго. Ранняя весна нас до поры выручила. Кто бы сомневался, что Сигизмунд такие пушки закажет, и ему их доставят. Я бы точно заказал, кабы мне

⁸ Зерцало – средневековый русский военный доспех, состоявший из соединенных между собой кованых металлических пластин. Надевался обычно поверх кольчуги, для дополнительной защиты.

пришлось такую крепость штурмовать. А осадные пушки в конце концов даже наши стены пробьют.

– Что делать будем? – спросил Юрий.

– Что и делали. Обороняться. В конце концов мы это знали и были к этому готовы. Но у меня есть и еще известие. И оно похуже будет.

Стрельцы обступили воеводу и с напряжением ждали, что он скажет дальше. Однако тот не спешил.

– Юрко, – проговорил он, наконец, обращаясь к Сухому, – пойди-ка собери мне стольников да тысяцких. И бояр, кои в крепости есть, собери. Я их в Коломенской башне ждать буду. Совет держать надобно. На закате лазом потайным пробрался к нам гонец, дядька Прохор. Тот, коего в Москву посылали.

– Ну?! – снова взвился Никола. – Что ж, новые грамоты от Патриарха нашего Гермогена привез ли?

– Грамоты-то он привез, – лицо Шейна теперь совсем помрачнело, он на миг даже опустил глаза. – Вот только новость в Москве хуже некуда – устроили бояре заговор и свергли с престола Государя Василия Ивановича.

– Шуйского свергли?! – ахнул Юрий Сухой. – И кто ж в такую пору смутную еще пушную смуту затеял?!

– Кто, кто! – со злостью воскликнул воевода. – Те, кому своя мошна да власть дороже и Москвы, и Смоленска, да и всей Руси. Предводительствует ими боярин Федор Мстиславский. Вот лиса лукавая! А я-то его некогда в битве от смерти спас...

– Выходит, не надо было! – выдохнул Вихорь.

– Выходит, да уж что вышло, то вышло. Ныне их много таких-то! Говорят, теперь Совет боярский делать будут, чтоб, значит, до Земского Собора управлял. Да какой сейчас Собор – война кругом?! А Владыка Патриарх пишет, что Сигизмунд уж тут как тут, послов прислал к боярам. Предлагает, чтоб сына его, Владислава королевича, на престол русский позвали. Мол, примет он нашу веру, вот и будет нам царь.

Несколько мгновений все молчали, потом один из стрельцов, что постарше, робко предположил:

– Ну, а может, так бы было и лучше? Всяко, не вор тушинский... Может, хоть война бы на том закончилась?

Шейн резко повернулся к стрельцу:

– Да кому ж ты веришь, Данило?! Разве ж поляки, дорвавшись до Царства Русского, его русским оставят? Нетто хочешь, чтобы твои дети, аки змеи, шипели, а у наших церквей главы поносили? Хочешь?

– Спаси и сохрани! – ахнул Данило. – Лучше смерть принять!

– А я вот о чем помышляю... – задумчиво, будто и не очень взволнованный, произнес Сухой, уже собравший и прицепивший к поясу свои саблю и колчан, чтобы идти и выполнить поручение воеводы. – Помышляю я о том, как же нам теперь, когда поляки на приступ пойдут, друг друга в битве узнавать? Само собой, одежда у них не такая, как у нас. Так ведь все в дыму будет, в крови. Прежде мы друг другу кричали: «Царев!» И знал каждый, что рядом свой, слуга государев. А ныне, когда государя не на престоле нет? Что кричать-то будем?

– Вот вздумал! – рассердился на товарища Вихорь. – Кричи, что вздумается – всяко русского с ляхом не спутаешь.

– Да нет, он дело спрашивает! – осадил стольника воевода. – И на совете нашем я вот что скажу... будем друг друга узнавать, как воины Свято-Троицкой Сергиевой лавры узнавали, когда отряды Гришки Отрепьева от монастыря отбивали. Они кричали: «Сергиев!», потому что живут и сражаются под благословением заступника Царства Московского святого старца Сергия Радонежского. Ну вот и мы станем кричать «Сергиев!». Потому что государя может и

не быть, может и долго не быть, а Русь Святая была, есть и будет. И пока мы за нее бьемся, угодник Божий Сергей не отнимет у нас своего покровительства.

Воевода Шейн оказался прав. С утра защитники крепости услышали громовые раскаты, и в могучие стены твердыни врезались со свистом и ревом громадные ядра, разбивая и круша каменную кладку. Некоторые из этих ядер летели выше, рушились на верхнюю часть стены, вырывая и выламывая из нее целые куски, убивая осадных людей.

– Если мы сумеем вести из трех пушек прицельный огонь хотя бы в течение двух часов, ваше величество, то к полудню пробьем восточную часть стены, и проем будет немаленький! – с восторгом наблюдая за работой осадных орудий, воскликнул взрывных дел мастер, мальтийский кавалер пан Новодворский. – Можно будет начать атаку. Тем более, посмотрите! Русские, кажется, поняли, что им не устоять! Они уходят со стен!

Сигизмунд, едва веря себе, следил за тем, как в клубах пыли, среди языков огня (на стенах, возле защитных пушек то тут, то там взрывался приготовленный для стрельбы порох) мечутся и погибают защитники крепости. Впрочем, только на первый взгляд их движения и все их действия могли показаться паникой. Вскоре стало заметно, что они уходят с восточной стены, стараясь унести оставшиеся целыми пушки, собирая оружие и отступая поспешно, однако вполне обдуманно.

– На что еще могут рассчитывать эти дикари? – прошептал, морщась, король. – Неужто думают, что продержатся хоть сколько-нибудь внутри города. Нас с самого начала было в три с половиной раза больше, а теперь, когда подошли подкрепления, больше раз в пять! Мы просто уничтожим их, всех до единого!

– Но я бы все же послал вперед наемников! – сквозь зубы предложил пан Новодворский. – Русские дерутся действительно как звери, и мне будет жаль потерять столько хороших польских воинов. А германцев со шведами не жалко!

Наступления полудня почти никто не заметил. Пыль, дым, копоть, огонь, – все это затмило и для осажденных, и для осаждающих дневной свет, превратив его в тусклое марево. Внутри крепости тоже что-то ярко загорелось, дымная туча взвилась к небу, но затем низко-низко поползла над землей. Кто-то из польских военачальников предположил, что у русских взорвался один из пороховых погребов, но взрыва никто не слышал. Скорее всего, загорелась смола, которой возле крепостных стен было запасено много, и которую осаждающие использовали с разными целями не один раз.

В восточной стене уже зияли две большие бреши и над ними, вокруг них защитников крепости видно не было – они явно отступили, понимая, что не удержат этот участок стены. Правда, оставались две башни с двух сторон пробоин, и можно было опасаться, что с них по идущим на приступ пехотинцам могут вести огонь. Поэтому для верности пан Новодворский приказал пушкарям пристрелять верхние площадки этих башен и обстреливать их все время, пока будет идти штурм. В этом был и определенный риск – с разрушенных башен на головы осаждающих могли полететь камни и даже большие куски кладки. Но это было все равно надежнее – смоленский воевода не раз и не два доказывал королю и его войску свою изобретательность.

С громкими воплями, потрясая саблями и пиками, полторы тысячи наемников ринулись к проемам. За ними двигалась, соблюдая некоторое расстояние, польская пехота, далее – конница, которой предстояло вступить в бой, если осажденные, видя неизбежную гибель, решатся на отчаянную вылазку.

Немцы и шведы, ловко взбираясь по разбитым остаткам кладки, хлынули в бреши. И... вскоре их атака смялась и захлебнулась. Задние ряды налетали на передние, валили их с ног, потому, что передним рядам некуда было наступать!

За разнесенной ядрами стеной в клубах пыли и дыма (теперь стало очевидно, что эту густую дымовую завесу русские устроили нарочно!) перед осаждающими вырос громадный земляной вал, высотой почти равный стене!

– Проклятие! Этого не было! Этого не было, я помню план этой крепости, я его видел! – завопил полковник Вейер, командовавший наступлением. – И это же немыслимо – за один год насыпать такой вал!

Тем не менее, это было именно так: по приказу своего воеводы и под его предводительством смоленские осадные люди за долгие месяцы обороны сумели возвести позади стен новое сооружение, столь же крепкое и почти неуязвимое для орудий: если прицельным огнем можно пробить каменную кладку, то поди-ка пробей земляную стену еще большей толщины – ну, будет земля ползти, осыпаться, но вал-то не рухнет!

– Они там все сошли с ума! – воскликнул полковник, когда до него в полной мере дошло, что за сооружение он видит. – Нет, они не сошли с ума! Это гениально!

Следующей его мыслью было: «Нужно немедленно уводить людей! Между двух стен мы, как в мышеловке!»

Возможно, не скомандуй он: «Немедленно все назад!», ему не удалось бы вывести из западни ни одного из своих пехотинцев. Впрочем, их и так уцелело меньше половины. Как в кошмарном сне, над верхом земляного вала возникли фигуры с луками, и на головы осаждающим посыпался поток стрел. Те пробовали стрелять в ответ, но в таком узком пространстве это было почти невозможно. Вслед за стрелами полилась кипящая смола, и тогда уже уцелели лишь те, кто успел вовремя добраться до проемов в стенах. Ловушка и впрямь была идеальна, под стать той, в которую угодили поляки прошедшей ночью, только на этот раз дань оказалась посolidнее.

– Разрешите вылазку, воевода! – упрашивал между тем Шейна командир «даточной» сотни, уездный голова Панкрат Демьянов. – Ляхи сейчас так очумели, что и пикнуть не успеют, как мы им зададим хорошего жару.

– Оставь это, Панкратий! – отмахивался воевода, руководивший действиями осадных людей на земляном валу. – Не до того. Давай-ка, пока не поздно, на западную стену!

– Да там-то что?

– Там, я думаю, сейчас рубка будет!

Шейн понимал, что иностранные советники короля не могли не придумать чего-то еще, кроме атаки стенных брешей – в конце концов, немцев было не так много, значит, роль штурмующих отводилась не им одним...

– Воевода! – услышался в ответ на его мысли далекий крик. – К западной стене лестницы ставят!

– За мной! – Шейн вырвал вложенную было в ножны саблю и ринулся с вала вниз, успев скомандовать Сухому, чтобы следили за брешами, а когда немцы совсем откатятся прочь, закладывали их мешками с землей.

На западной стене в это время уже кипела сеча. Несколько десятков запорожских казаков успели приставить длиннющие осадные лестницы и, сбив стрелами караульных, взобраться наверх. Дальше им пройти не удалось.

– Сергиев! – закричал во весь голос воевода и, замахнувшись, срубил с пути возникшего перед ним казака.

– Паскуды! Русские против русских воюете! – рычал стрелец Данила, размахивая здоровенным топором. – Сергиев! Сергиев!

Этот крик гремел над стеною и, казалось, слыша его, враги испытывали трепет.

К воеводе пробились двое молодых стрельцов и дрались по обе стороны, стараясь прикрыть Шейна от сыпавшихся со всех сторон ударов.

– Вы мне мешаете! – кричал он им, в бешенстве стараясь вырваться вперед, оторваться от назойливой опеки. – Баб с детьми обороняйте, а я вам не баба!

Драка на стене продолжалась недолго – спустя полчаса все лестницы оказались либо сломаны, либо просто откинута прочь вместе с повисшими на них нападающими, тех же, кто успел вскарабкаться на стену, изрубили всех до единого.

– Скольких мы потеряли? – спросил, переводя дух, воевода.

– Пятерых тут, в сече, а скольких пушки порешили, еще не считали! – отозвался воеводин гонец, старый казак Прохор, бережно вытирая куском тряпицы окровавленную саблю. – Вот ведь, не успел я приехать, а у вас тут уже и рубка...

– И не жалко тебе, дядя Проша, казаку казаков рубить? – спросил один из стрельцов, ища, в свою очередь, чем очистить клинок.

– Русскому русских жалко... А казаки... какие же они казаки, если ляхам продались! – в сердцах вскричал Прохор. – Лучше б как-нибудь по иному назвались!

Спустя час среди смятенных рядов польской и наемнической пехоты наконец прекратилась паника, командиры скомандовали сбор и отбой атаки (и это было вовремя – она уже почти час, как завершилась!), и нестройные ряды завоевателей под хриплые вопли сигнальных труб откатились к своим таборам.

Здесь Сигизмунда ждала еще одна неприятная новость: русское ядро, пущенное с земляного вала, разбило лафет одного из трех осадных орудий, и громадная пушка, кувырнувшись «носом», еще и скатилась в небольшой овражек, над которым была установлена. Трудно сказать, получила ли она при этом какие-то повреждения, но теперь ее предстояло вытаскивать, тратя на это уйму сил. Да еще и стоило ли? Попытка прорваться с помощью этих пушек в проклятую крепость провалилась, ядер оставалось не так уж и много, и имело ли смысл посылать за новыми?

Эти невеселые мысли побудили великого польского короля вернуться в свой шатер и, не поужинав (какой уж тут ужин!), с самым скверным настроением лечь спать.

Все негодование командира наемников Вейера обрушилось, таким образом, на бедного мальтийского рыцаря, и Новодворский в конце концов тоже спасся бегством, приказав выставить возле своего табора дополнительную охрану. Ибо обозленные немцы, как он успел не раз убедиться, бывают не менее страшны, чем обозленные русские...

Глава 3. Набат над Москвою

Второй день подряд над зубчатыми красными стенами Кремля, над укреплениями Китай-города, над высокими теремами Сретенки и Замоскворечья, над всем московским посадом гулко, тревожно гудел набат. Звон смолк было ночью, но под утро раскатился с новой силой, и новые толпы стрельцов и посадских людей ринулись к Серпуховским воротам, возле которых еще накануне были поставлены караулы и собраны большие отряды вооруженных людей.

При всей кажущейся монолитности этого стихийно возникшего ополчения, в нем не было твердого порядка, а единодушие оказалось лишь временным, покуда явившиеся вблизи московских стен вооруженные отряды не отошли от Москвы-реки и не встали, по слухам, на подступах к Замоскворечью. Это не могло успокоить защитников столицы, они взволновались, казалось, еще больше – все понимали, что захватчики не собираются уходить совсем. Но при этом среди москвичей тотчас возникли раздоры: там и здесь стали звучать громкие призывы, совершенно исключаящие друг друга.

– Сказывают вам: продали нас бояре! – орал, взбравшись на одну из поставленных поперек въезда груженных телег, пожилой стрелецкий десятник. – Золотишком польским меха⁹ набили, да и забыли, что православные! Мало от ляхов беды по всей Руси, так теперь еще и Москву им отдай! Надобно всем миром идти целовать крест государю нашему Дмитрию Ивановичу, послов за ним посылать!

– Какой тебе еще государь?! Какой такой Дмитрий Иванович?! – завопил с другой телеги приказной дьяк, – Вор и самозванец твой «Дмитрий Иванович»! Целуй-целуй ему крест, да за одним и проклятой польской колдунье Маринке! Он – жид, она – ведьма¹⁰, вот они нам черта на царство и родят! Земский Собор надо скликать, да всем миром избирать государя!

– Наши семеро бояр уже сколько времени нам Собор обещают?! – раздался могучий бас прямо из толпы. – Не будет Собора, покуда оне в Москве управляют! Надобно слушать одного лишь святителя нашего Патриарха Ермогена, а он в грамотах своих велит народу собираться да совместно противу полона литовского ополчаться!¹¹

– Ермогена, сказывают, вскоре с патриаршего двора бояре стонят, грозят в темницу заточить! – отозвался кто-то из стрельцов. – Ежели погубят Владыку, то и церковь православную губить начнут! Бить их всех надобно да гнать!

Толпа взорвалась нестройным ревом, затем опять стали выделяться более громкие возгласы:

– Кого бить? Кого гнать? Кого всех-то?

– Да всех! Кто ляхам продался, всех и гнать!

– Среди бояр многие против ляхов! Вот их и звать, чтоб нами управляли!

– Правильно!

– Государю надо крест целовать! Дмитрию Ивановичу! Он чудом Господним спасен остался, убиения дважды избежал... Ему и править Царством Московским!

– Шуты гороховые! Как это спасся?! Да я своими очами видел, как он с башни вниз башкою летел, и как оземь грохнулся! Да и то был уж никакой не Дмитрий Иванович, а вор Гришка! А покойного царевича мощи в храме выставляли. Все видали.

⁹ Мехом называлась шитая емкость (мешок) из любой ткани или кожи.

¹⁰ Речь идет о втором самозванце, выдававшем себя в 1609-11 годах за погибшего царевича Дмитрия. Большая часть исследователей склоняются к тому, что он был крещеным евреем, другие считают его непутевым сыном священника. Став фактически марионеткой польских интервентов, самозванец вместе с регалиями покойного Григория Отрепьева (Лжедмитрия I) унаследовал и его польскую пассию Марину Мнишек, которую на Руси большая часть народа считала ведьмой.

¹¹ В начале XVII века и позднее поляков на Руси часто именовали «литвою», поскольку те и другие были историческими врагами русских, а Литва входила в состав Речи Посполитой.

– Собор созывать надобно! Прямо сейчас!

– Кто ж тебе сейчас даст, когда ляхи под самой Москвою?! Оне ж послов сюда не допустят!

– А мы все на что?

Рев толпы то нарастал, то утихал, крики особенно ярых спорщиков покрывали друг друга, и над всем этим ритмично и тревожно продолжал гудеть набатный колокол.

В это время к Серпуховским воротам приблизились со стороны Москвы-реки двое всадников, и толпа, на какое-то время утихнув, обратила все внимание на них. Это были определенно не поляки, и их появление не вызвало тревоги, но всем сразу сделалось любопытно, кто они могут быть такие и откуда едут.

Верховые доскакали до ворот и, видя, что те перекрыты толпой, осадили коней. По запыленной одежде все сразу поняли, что ехали эти люди издалека и, видно, не один день: к седлам были приторочены дорожные мешки, у пояса каждого приезжего, кроме сабли и саадака¹², болтались латунные фляги в кожаных чехлах. Одежда выдавала в приезжих хозяина и слугу, причем первый был, скорее всего, из служилых людей, второй, вероятно, его холоп.

– Кто такие будете? – спросил со своей телеги стрелецкий десятник. – Что за люди и откуда?

– Из Смоленска мы! – ответил служилый, статный мужчина лет сорока, одетый в длинный вишневый кафтан с отороченными мехом рукавами, прорези которых были скупно обшиты серебром. – Я – окольный¹³, боярин Роман Рубахин, это – слуга мой Семен. С поручением я прибыл.

– К кому? И как вас ляхи пропустили? – дотошно приступил к приезжим еще один из стрельцов.

– Приехал я к боярину Мстиславскому да ко всем семи боярам с поручением. А еще надобно мне встретиться с Владыкой, Патриархом Гермогеном, если будет его милость меня выслушать. А пропускать нас никто не пропускал – ляхов мы стороной объехали. Они ведь тоже по Смоленской дороге шли, так мы загодя знали, что они впереди нас.

– Из-под Смоленска! – заволновалась толпа. – Его ж второй год ляхи осаждают!

– Что там сейчас? Наши бояре туда послов отсылали. Толк-то от тех послов был?

– Что на дорогах творится? Почитай, гетман Жолкевский¹⁴ со своим войском всю округу разорил!

– Пропустите!

Властный голос, раздавшийся позади толпы, не заставил ее сразу расступиться, но многие начали оглядываться и, узнав появившегося среди них человека, теснились, чтобы его пропустить.

Это был рослый мужчина лет сорока или чуть больше, крепкий и статный, как принято говорить о таких, «по всему видать, знатных кровей». Правда, его одежда была очень простого покроя, без дорогой отделки, и на плечах не красовалась столь любимая боярами шуба, которую иные носили нараспашку даже в жаркие летние дни, а уж прохладной весною иначе не выходили из дому. Этот человек явно любил, чтобы ему было удобно, и не чванился своими соболями. Даже шапку он на ходу снял и небрежно нес в руке, вытирая рукавом кафтана пот, выступивший на лбу от быстрой ходьбы.

Лицо у него было крупное, немного широкое, с выразительными чертами, высоким выпуклым лбом, обрамленное густыми, довольно коротко подстриженными волосами и вели-

¹² Саадак – комплект стрелка: лук, налучье и колчан

¹³ Окольный – придворный чин на Руси в XIII–XVII веках. Окольный входил в состав Боярской Думы (2-й после боярина думный чин). Ведал придворными церемониями, сопровождал государя во время поездок и пр. В войске служил помощником воеводы.

¹⁴ Жолкевский, польский гетман, один из основных руководителей польской интервенции в Россию в 1609–1612 гг.

колепной окладистой бородой того же ржаного с золотистым отливом цвета, что и его кудри. Усы, пушистые, ухоженные, были средней длины – их концы лишь слегка касались подбородка. При этом густые ровные брови казались куда темнее волос, усов и бороды и очень подходили к глазам: небольшие, карие, необычайно живые, они смотрели уверенно и при этом удивительно простодушно.

– Что случилось? Кто тут из Смоленска? – спросил он, оказавшись против ворот и остановившихся перед ними приезжих.

Боярин Рубахин вновь назвал себя и цель своего приезда и наконец спешился, понимая, что им ничто не угрожает – этот человек явно пользуется здесь всеобщим уважением и может управлять даже столь возбужденной толпой.

Он тотчас и подтвердил это, властно махнув рукой, отчего собравшиеся кругом стрельцы и посадские почти сразу умолкли, а затем проговорил:

– Я – князь Дмитрий Пожарский. И рад буду проводить тебя, боярин, к Мстиславскому. Только вот он ныне сильно занят. Хотя, может, и к лучшему: как раз у него встреча должна быть с Владыкой Гермогеном. Владыка сам к себе на патриарший двор боярский совет позвал. Если тебе надобно, так дожись, покуда они закончат, ну и увидишься сразу с тем и с другим.

Приезжий заколебался было, и князь, по-своему поняв его смущение, тут же предложил:

– А ежели боишься, что в Кремль не попадешь, так идем со мною: я тоже Мстиславского увидеть хочу, так что и сам туда направляюсь. Со мною стрельцы тебя пропустят.

– Стрельцы? А мне говорили, будто у Кремля уже польскую охрану выставили...

Лицо князя Дмитрия на миг вспыхнуло бешенством:

– Это кто ж говорил такое?

– Да когда к городу подъезжали, какие-то служилые встретились, – немного растерявшись при виде его гнева, ответил Рубахин.

Пожарский нахмурился:

– Надо думать, это те, кто самозванцу крест целовать призывают. Раньше времени воду мутят, народ смущают. Да и сказать правду, не ударь мы в набат, уже стояли бы у Кремля поганые ляхи... Не дал им пока что московский люд войти в город. Но, боюсь, Совет наш, семибоярщина своего добьется! Ладно, что мы тут стали? Пойдем к патриаршим палатам, там, небось, уж собрались все. Только коней лучше в поводу вести: видишь, как беспокойно на улицах – не ровен час или кони испугаются и тебя с холопом твоим сбросят, или дурень какой под копыта угодит...

Глава 4. Патриархии палаты

Покуда они шли, деловито проталкиваясь сквозь заплотнившуюся улицы возбужденную толпу, князь Пожарский приступил к Рубахину с расспросами, и приезжий подивился его искренней тревоге и волнению. Князь, живший ныне вместе со всею Москвой точно на пороховой бочке, душою болел за далекий, казалось бы, чужой ему Смоленск. И немало знал о том, что там творится, хотя наверняка и об этих событиях ходили повсюду самые разные толки.

Король Сигизмунд, осаждавший гордую крепость вот уже второй год, надеялся теперь, когда царь Василий был свергнут с престола, положить конец долгому сопротивлению смолян. Защищать им было теперь некого, бояре явно склонялись к тому, чтобы присягнуть королевичу Владиславу, и от них уже приезжали к стенам Смоленска послы – передавали воеводе Шейну, что надобно сдаться.

Но Смоленск не сдавался! Непокорный воевода ответил, что как не пожелал он признать ни того, ни другого самозванца, так не станет теперь и целовать крест иноземцу, да и в намерение того принять Православие нисколько не верит.

Между тем, не дождавшись заключения договора, бояре многих городов и уделов принялись присягать будущему «православному царю» Владиславу. Иные пуще смерти боялись, что нагрянет самозванец со своим войском, иным вконец надоела бесконечная война и бесчисленные разорения. А может, всем просто хотелось, чтобы все это, наконец, закончилось. Как угодно, но закончилось!

Но среди всеобщего смятения и неразумения: что же будет и с кем идти, среди отчаяния одних и беспричинного ликования других, град Смоленск стоял и оборонялся с прежним упорством, все так же заграждая армии Сигизмунда прямой путь на Москву.

Боярин Рубахин, не таясь, принялся рассказывать князю Дмитрию, как тяжело приходится ныне осажденным, сколько их уже погибло, сколько мучились зимою от жестокой цинги, наступившей из-за однообразия пищи, как много в гарнизоне раненых.

– Но наш воевода боярин Шейн все так же крепок, будто скала нерушимая! И видит, что уж неоткуда ждать помощи, а о сдаче и думать не хочет. Патриарх Гермоген посылал к нам грамоты свои, призывал воле ляхов не покоряться. Воевода и сказал всему гарнизону: «Лучше смерть примем за Православную Веру, ляжем мертвыми на своей земле, чем разбойникам этим покоримся!»

Когда смоленский посланец повторил эти слова полководца, глаза князя Дмитрия вспыхнули, и до того спокойное лицо так и загорелось румянцем.

– Ах, нам бы да всем сейчас таких воевод! – воскликнул он. – Каждому бы городу русскому такого Шейна, так уж бежали бы отсюда ляхи, как лисицы от своры собак!

– Но ведь уж все решено? – осторожно спросил Рубахин. – Ведь уж есть договор у семибоярщины с королем. Как же теперь-то сопротивляться?

– А вот так, как ваш воевода! – сурово бросил Пожарский. – Вон, набат слышишь? Москва тоже не хочет польского полона. Хотя чует мое сердце, из-за свар этих да споров – кого звать, кому крест целовать, кто царствовать будет, – не сумеем мы дать врагу единый отпор. Нет в людях общего разумения, будто мы дети малые... Вот, бесчинствует в русских городах этот самозванец, сыном государевым себя именует, Бога не страшась. Хотя какой ему Бог, если он – нехристь! Но идут же к нему в войско люди православные! Верят в эти сказки! Уж он и вылез ныне по уши: не стесняясь, с ляхами дружбу водит, их войско своему войску на подмогу вызвал и столько людей русских погубил, что несть числа! Маринку обрюхатил, ведьму окаянную... А у нас в народе иные вновь говорят: «благочестивая царица»! Это она-то?! С одним спала, от другого зачала, ни с кем ни венчана! Тьфу!

– Ты ведь от войск самозванца Калугу оборонял? – с прежней сдержанностью спросил боярин Роман. – Слыхали у нас, как славно ты тогда сражался.

– Не я один там дрался, – отмахнулся князь. – Но тогда еще у Царства Московского государь был. Какой никакой, но государь, законно на престол возведенный, Василий Иванович Шуйский. И можно было напомнить любому воеводе: «Ты, мол, царю крест целовал!» А что теперь? Ведь, гляди, и впрямь Владиславу крест поцелуют, да ляхам московские врата отворят!

Они в это время уже шли мимо кремлевских палат, остановились, перекрестились и поклонились Архангельскому собору и свернули во двор патриаршего подворья.

– А ну как Владислав на самом деле в нашу веру крестится? – вновь робко подал голос боярин Роман, опасливо косясь на бродивших вокруг патриарших палат стрельцов. – Тогда и можно бы крест поцеловать...

– Поклялся волк мяса не есть, да травой подавился! – теперь в голосе князя Пожарского прозвучал уже не гнев, а насмешка. – Кто ж поверит в его крещение? Ладно, боярин Рубахин, пришли мы. Только, кажись, опоздали. Бояре-то уж там – вон сколько их холопов по двору бродит. Эй, люд служилый, пустите ли нас к Владыке?

Стрельцы-охранники сперва смирли пришедших недоверчивыми взорами, но тотчас почти все узнали князя Дмитрия и безо всяких возражений указали ему на высокое, обрамленное пузатыми колоннами крыльцо:

– Иди, батюшка, иди! Может, что вызнаешь важное, так и нам расскажешь.

– Непременно расскажу.

Однако дальше просторной горницы, за закрытыми дверями которой слышался нестройный шум и отдельные громкие голоса, Пожарскому и Рубахину пройти не удалось. Дорогу им преградили уже не стрельцы, но шестеро молодых боярских холопов, крепких парней, одинаково стриженных «в кружок», с одинаковым – упрямым и угрюмым выражением лица.

– Князь Федор Иванович сказывали, чтоб пускали только тех, кого Владыка к себе звал. Из совета боярского, то есть! – кратко объяснил один из них.

Холопы были без оружия, которого здесь, в покоях Патриарха, носить не полагалось, однако их могучее сложение и бычья осанка не оставляли сомнений: в случае чего миновать этих «лбов» будет нелегко, тем более, что и гости оставили свои сабли стрельцам у входа.

Пожарского не напугал грозный вид стражей, но затевать драку перед дверями Владыки он определенно не желал.

– Что же, – миролюбиво спросил он у стражей, – князю Мстиславскому не охота знать, что сей час в городе творится? В набат бьют, народ в смущении великом, а глава совета и на улицу носа не кажет, и посланных от народа выслушать не желает? Вот, боярин из Смоленска прискакал, донести хочет, как там русские люди с ляхами бьются. Неужто и его не стоит выслушать?

– Княже, не мы ведь приказы отдаем! – уже с некоторым смущением ответил холоп. – Отчего оне не хотят, чтоб туда еще кто-то входил, нам не ведомо. Но ведь сам знаешь: пустим мы вас, а с нас потом шкуру ремнями спустят...

– Не изволь гневаться, Дмитрий Иванович! – подхватил другой. – Мстиславский ныне ходит чернее тучи, чуть что – орать принимается. Так можно ли нам поперек его воли шаг ступить? Сделай милость – обожди, покуда они там шуметь окончат. Выйдет когда, тут и говори с ним.

– Но, может быть, все же вы доложите Владыке Патриарху, что к нему гонец смоленский прибыл? – настаивал Пожарский. – Ведь здесь – его покои, значит – его воля.

– Это только так кажется! – совсем тихо пробормотал один из холопов, а другой при этом соорудил ему грозную рожу и тихонько дернул за подол длинной синей рубахи, видневшейся под полураспахнутым кафтаном.

Боярин Роман, наблюдая за этим разговором, совсем смутился и уже пожалел, что так решительно отправился сюда вместе с князем. Что, если за этой плотно затворенной дверью вспыхнет сейчас ссора, разгорится мятеж, что, если выйдут оттуда бояре в гневе и смятении, и в таком же гневе будет после встречи с ними Владыка? О крутом нраве Гермогена слухи ходили повсюду, и многие утверждали, что вряд ли кому захочется стать причиной его негодования. Может, лучше было бы выждать и попытаться добиться приема у Патриарха, когда тот будет один?

А с другой стороны, Рубахин лишний раз убедился, что князь Пожарский, судя по всему, пользуется уважением и здесь, даже у этих вот суровых боярских стражей, и с ним, в любом случае, легче добиться, чтобы бояре совета и Владыка приняли и выслушали приезжего...

Пока он так размышлял, голоса за толстыми дубовыми створками двери вдруг притихли, затем послышались тяжелые, быстрые шаги, и дверь неожиданно распахнулась во всю ширину.

При этом все шестеро холопов шарахнулись прочь с проворством, удивительным для их бычьей мощи, и с одинаковым выражением детского испуга на лицах.

– Владыка! – только и успел выдохнуть один из них, которого резко распахнувшаяся створка как следует саданула по спине.

– А нечего было на пути стоять! – громко произнес возникший на пороге человек.

И сразу стало тихо. И за его спиной, в огромной палате, откуда потоком цветных пылинок хлынул свет, и в горнице, где только что кипел спор меж князем Пожарским и стражами.

Роман Рубахин впервые в жизни увидел Патриарха Гермогена и был поражен его обликом куда более, чем всеми рассказами об этом человеке.

Он знал, что Владыке от роду уже почти восемьдесят лет, что он более двадцати лет монашествует и строжайше соблюдает все посты и воздержания. К тому же в последнее время, в пору смуты, ему не раз и не два приходилось выдерживать и жестокие нападки, и несправедливую клевету, и даже угрозы расправы. Однажды, в дни мятежа и свержения с престола царя Василия, смутьяны с оружием ворвались на патриарший двор и всячески поносили и оскорбляли Владыку, твердо поддержавшего Государя. Он не испугался и не поколебался в своей твердости, однако все эти испытания не могли не сказаться на силах и здоровье старца.

И, тем не менее, Гермоген не выглядел ни дряхлым, ни немощным. Он был высок ростом, и черная монашеская ряса делала его еще выше. Худощавый, но не сухой и не тощий, он казался достаточно крепким, хотя его лицо и покрывала бледность, еще усиленная снежной белизной куколя¹⁵ и ниспадающей на грудь бороды.

Чего было больше в этом лице? Воли, ума, покоя, странного при стремительности его движений и резкости голоса? Черты этого старческого лица были тонки и точны, словно их долго рисовала рука великого мастера, заранее, многие годы назад определив старцу стать именно таким. Глаза смотрели из-под тонкой черты бровей пронзительно и ясно, их взгляд был очень тверд, но в этой твердости угадывалась и неожиданная кротость – кротость, которую дает только полное сознание своей правоты.

Патриарх быстро осмотрел горницу и, увидав Пожарского, чуть приметно кивнул ему:

– К кому ты, Дмитрий Иванович? Ко мне, али к Семиглавому змию?

– К змию, Владыка, – низко склонившись и сложив руки, князь подошел под благословение и осторожно коснулся губами осенившей его руки.

– Добро. Взойди. А кто ко мне из Смоленска?

От неожиданности боярин Роман едва не отшатнулся и не отступил под этим спокойным взором. У него едва достало смелости тоже сложить руки и шагнуть вперед. Однако Патриарх не поднял вновь сложенного двуперстия.

¹⁵ Куколь – головной убор Патриарха.

– Благословиться хочешь? А я сперва хочу знать, на что благословлю. Вот князя Пожарского знаю, на что. Молюсь, чтоб не на смерть... Он нам еще надобен будет. А ты? Спросишь, почем знаю про тебя? Да вот угадал, что приедешь. Взойди. Там интересно.

И он широким движением руки указал на затихшую за его спиной палату, затем повернулся и вновь вошел туда, окунувшись в полосы света, падающего из многочисленных, застекленных цветными стеклышками оконце. Он шел, и за ним скользили десятки взоров, напряженно ловивших каждый его шаг. Когда же он неторопливо подступил к своему высокому деревянному креслу и сел, взяв левой рукою прислоненный рядом резной посох, по палате пронесся тревожный шепот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.